

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК **XX** И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

ДНИ В АНТИУТОПИИ

Люди и власть в Чернобыле

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО

Читатели и Солженицын

ВЛАСТЬ ЗДРАВОВОМУ СМЫСЛУ!

Депутат, эмигрант и Съезд

ISSN 0320 8001

8/89

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Актуальная тема

А. САХАРОВ. «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ»

9

А. КРОН. ДАЙТЕ ЕМУ ШАНС!

13

Из блокнота журналиста

С. КОРДОНСКИЙ. ПРИНЦИПЫ ЗОНЫ

17

Резонанс

ВСПОМНИТЬ ВСЕ КАК БЫЛО

22

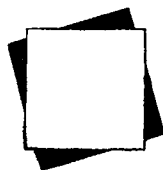
Наши публикации

Г. ФЕДОТОВ. ОПОЗДАВШИЕ

29

На 2-й странице обложки: Дверь. Фото Сергея СЕМЁНОВА (г. Правдинск, Горьковской обл.)

На 3-й странице обложки: из серии «Всё о Дон Кихоте». Рисунок Игоря СМЕРНОВА (г. Москва).

«Уважаемая редакция...»

С каждым днем мы получаем все больше писем. Это радует, и мы очень признательны всем нашим корреспондентам за внимание, интересные отклики, оригинальные авторские материалы. Но в редакции нет отдела писем, и мы не в состоянии вовремя и по существу всем ответить. Просьба не обижаться: отсутствие ответа лучше традиционных отписок по трафаретам, которые рассылают своим читателям отделы писем большинства изданий. Мы стремимся максимально использовать редакционную почту при подготовке наших номеров.

Трагедия в Китае и советское общество

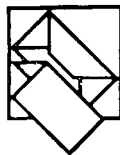
Трагические события в Пекине начала июня 1989 года привлекают пристальное внимание в нашей стране не только потому, что гибель многих людей вызывает естественное сострадание. Китай — крупнейшая страна социализма, к тому же наш сосед, идущий своим путем, и развитие ситуации там всегда вызывает желание сравнить, сопоставить ее с положением в нашем собственном доме, извлечь для себя урок...

Китайская драма застала советское общественное мнение врасплох. Буквально накануне свершилась долгожданная нормализация отношений между двумя нашими странами, с большим успехом прошел визит М. С. Горбачева в Пекин. Советская печать в последнее время часто помещала большие материалы о китайских реформах, высоко их оценивая. В сознании советских людей утвердился образ Китая как страны реформ, пошедшей на них первой из стран социализма и многих из них на этом пути обогнавшей. Больше того, начиная с 1979 года, с первых шагов экономических преобразований в Китае, значительная часть прогрессивно мыслящих советских

китаистов, экономистов и международных приводела Китай в качестве положительного примера для советского руководства, считала, что Китай (наряду, скажем, с Венгрией), указал путь, по которому нужно пойти всем странам социализма. Для этих людей расстрел демонстраций в Пекине — крупнейшее разочарование.

Между тем приходится признать, что слишком радужное восприятие китайских реформ, так же как и прежнее огульное осуждение всего, что происходило в этой стране, страдало явной односторонностью.

Реформы на первых порах действительно дали значительный эффект. Роспуск сельских коммун и введение семейной аренды, расширение сферы рыночных отношений в промышленности, курс на широкое экономическое сотрудничество с зарубежными странами, образование в прибрежных районах специальных зон ускоренного развития, куда активно привлекался иностранный капитал — все эти меры привели к бурному росту производства, повышению жизненного

уровня. Впервые в истории Китая его народ был накормлен.

Однако по мере развития экономических реформ выявилась необходимость проведения реформ политических. Старая бюрократическая система тормозила развитие экономики. Несмотря на провозглашение политической реформы, серьезных шагов по ее проведению практически не предпринималось. Больше того, как только требования ответственности выходили за определенные рамки, они жестоко подавлялись. Так было разгромлено демократическое движение 79-х — 80-го годов, а его лидеры брошены за решетку, периодически проводились политические кампании по борьбе с «духовным загрязнением» и «буржуазным либерализмом».

В последнее время реформы в стране застопорились. Их непоследовательное проведение, использование бюрократических методов привело к отрицательным явлениям, вызвавшим возмущение широких слоев населения: росту цен, инфляции, коррупции среди высших должностных лиц, бравших взятки и пристраивавших на теплые места своих детей и родственников.

Советские и китайские авторы уже отмечали, что реформы в наших странах шли как бы с разных сторон: — в Китае все началось с экономики, в СССР — с гласности и демократизации. Опыт обеих стран показывает, что политическая и экономическая области теснейшим образом связаны друг с другом. Либерализация в одной из них рано или поздно ставит вопрос о соответствующих изменениях в другой. И тут начинаются серьезные противоречия.

В странах, где демократические структуры и демократические традиции не существуют вовсе или напрочь выбиты из сознания людей, реформы начало руководство, пришедшее к пониманию бесперспективности старой системы управ-

ления и опасавшееся полного краха. В осуществлении реформ используется старая система власти и управления, старый аппарат власти — единственная реальная сила в государстве. Суть же реформ заключается в ограничении власти этого аппарата. В этом уже заключен предел реформ — аппарат проводит их против самого себя.

Примерно к 1985—1986 годам реформы в Китае достигли опасного уровня. С одной стороны, это было время их триумфа, с другой, именно тогда стало ясно, что аппаратное реформаторство дошло до точки, дальше которой не пойдет. Отдав некоторую часть экономической власти, что было необходимо для выживания, руководство страны твердо заявило, что в политике уступок не будет. Свидетельством этого стало подавление первых студенческих демонстраций в конце 1986 года и смещение со своего поста генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана, который, видимо, выступал за более активные преобразования.

Советской перестройке, вероятно, еще предстоит пережить такой момент. Сейчас реформаторские силы аппарата контролируют положение, оправдывая свои меры перед его широкими слоями необходимостью избежать краха. Но однажды наступит день, когда аппарат решит, что дальше идти нельзя. Таким моментом могут стать, например, выборы в местные Советы, грозящие его реальной потерей власти. Если к этому времени окажется, что в обществе созрели силы, выступающие за последовательные политические преобразования, реформаторскому руководству придется выбирать между аппаратом и обществом.

К Китаю такой выбор состоялся, и он не сулит нам ничего хорошего. Среди китайских лидеров были и такие, которые выступали за диалог со студентами, за более реше-

тельное изменение структуры власти. Похоже, они потерпели поражение в верхах партии и не были поддержаны армией. Опыт Китая показывает нам, какими хрупкими могут быть позиции реформаторской группировки в руководстве огромной партийно-государственной системы, привыкшей действовать только методами подавления. В выступлении на Съезде народных депутатов Ю. Карякин говорил о том, что импичмент возможен у нас в лучшем случае в форме октября 1964 года. Китай показал, к чему может привести смещение либеральной группировки в партийном руководстве в период общественной напряженности. Какие-то плоды может принести только диалог с либеральными лидерами, их поддержка с одновременным оказанием на них общественного давления с целью заставить действовать более решительно. Путь конфронтации ведет к кровавой бане, такой, какая произошла в Пекине.

Обо всем этом необходимо помнить руководству нашей страны как в осуществлении своей внутренней политики, так и в оценке китайских событий. У тех, кто придерживается идеала гуманного, демократического социализма, есть

только один путь оценки действий китайского правительства — тот, которым пошло большинство европейских компартий. Конечно, ситуация довольно деликатна, так как только что произошло восстановление отношений с Китаем, явившееся крупным успехом советской внешней политики. Однако согласившись с расстрелом мирной демонстрации, совершенным «от имени социализма», мы вновь окажемся в одиночестве перед общественным мнением всего цивилизованного мира. С другой стороны, и обстановка в Китае сейчас такова, что расстрел на Центральной площади не может долго официально одобряться. В недавней истории КНР уже были расстрелы массовых движений, которые затем осуждались самим правительством, — достаточно вспомнить о событиях на той же площади Тяньаньмэнь в 1975 году. В этих условиях недостаточно твердая оценка трагедии июня 1989 года может ввести нас в противоречие со всем китайским обществом и либеральной частью руководства КНР.

Александр ЛУКИН,
научный сотрудник отдела
Китая Института
востоковедения АН СССР,
г. Москва.

Тбилиси и Нюрнберг

Дисциплинарный устав Вооруженных Сил СССР гласит: «Приказ начальника — это закон для подчиненных. Приказ должен быть выполнен беспрекословно, точно и вовремя».

Учебник по «Основам советского военного законодательства» дает следующие разъяснения этого положения Устава: «Иногда военному служащему при исполнении служебных обязанностей приходится совершать такие действия, которые по своим внешним чертам совпадают с преступлением. Но если эти действия выполнены в точном соответствии с требованиями военной службы, то

за наступившие последствия военнослужащий не отвечает... Случаем исполнения обязанностей военной службы, исключаящим ответственность за последствия, является принуждение начальником подчиненного к повиновению».

Практически это означает, что исполнители преступного приказа, например, убийцы в военной форме в Тбилиси, фактически, освобождены от какой-либо ответственности за свои действия — они выполняли приказ; напротив, если бы нашлись военнослужащие, которые отказались бы избивать и убивать демонстрантов, их бы судили за непови-

новение приказу в соответствии со всеми нормами советского военного права!

Небезынтересно сравнить такое «право» с воинскими уставами «агрессивного блока НАТО». Вот, например, что читаем в Уставе бундесвера: «Непослушанием не является невыполнение приказа, нарушающего человеческое достоинство. ... Приказ нельзя выполнять, если он ведет к преступлению». Вот тот урок, который человечество вынесло из Нюрнберга и который в стране, победившей нацизм, до сих пор почему-то не пришелся ко двору.

Сегодня молодой человек призывного возраста лишен какой-либо свободы выбора. Сначала он обязан идти служить в армию, независимо от самовосприятия и мировоззрения. Иначе он окажется уклонистом от почетной конституционной обязанности и его будут судить по статьям, которые есть в уголовных кодексах всех союзных республик СССР. Далее, он может быть направлен для прохождения службы куда угодно: во внутренние войска, которые могут быть применены для подавления гражданских беспорядков или охраны ИТУ (о той моральной и психологической травме, которую получают 18—20-летние ребята, вынужденные — а отказаться, как мы знаем, они не могут — применять оружия для «умиротворения» вышедшей из под контроля массы заключенных, недавно говорилось в передаче московского городского радио «Метроном»), за границу, в том числе и для исполнения так называемого «интернационального долга», как у нас красиво называли ошибочные решения руководства по использованию армии за рубежом.

В этой связи считаю: любой призывник на любом призывном пункте нашей страны должен иметь право заявить о своем нежелании служить в некоторых родах войск и за границей, которое должно быть безусловно гарантировано. Причем особо, по моему мнению, важно дать молодому человеку право от-

казаться служить за рубежом, так как не считаю окончательно решенным вопрос о моральной стороне иностранного военного присутствия на территории суверенного государства.

Поверьте, я вовсе не собираюсь «поливать грязью» солдат и офицеров, которые служили и служат в Вооруженных Силах СССР и гордятся этим. Просто я считаю, что человек имеет право защищать свои взгляды на жизнь, свои убеждения, свою индивидуальность. Мне не ясно, почему после призыва на действительную военную службу гражданин СССР должен лишаться всех гражданских прав и свобод, гарантированных Конституцией СССР, — ведь он призван исполнять конституционный долг, а не отбывать наказание. Я не говорю о том, что солдат стран НАТО имеет однодневный отпуск не реже одного раза в неделю, не реже раза в месяц бывает дома, а из международного телефона-автомата, расположенного в двух шагах от ворот военной базы, имеет возможность позвонить куда угодно, — хоть в Москву... Наверное, это вопросы не столько к армии, сколько к обществу в целом. Но позволить солдатам иметь гражданскую одежду, отменить цензуру писем, предоставить военнослужащим право подавать коллективные заявления, а также обращаться в гражданские судебные инстанции считаю возможным уже сегодня.

Знаю, что очень многие люди, и не только военные, воспримут мои мысли в штыки. Тем не менее считаю, что указанные выше мероприятия являются тем минимумом, который необходимо провести, чтобы сделать службу в Вооруженных Силах, нет, не привлекательной (в военкомате мне объяснили, что служба в армии — это долг, а долг не должен быть привлекательным), а хотя бы приемлемой для честного и верующего человека.

Евгений КРАСНОЛОБОВ,
г. Москва.

Больше химии — меньше Волги

О заводе по уничтожению химического оружия под г. Чапаевском заговорили и как-то враз. Долгое время ходили туманные слухи о каком-то радиоламповом заводе. Лишь в самый последний момент объявили о его истинном назначении. Общественность поставили перед свершившимся фактом.

Теперь мы задним числом пытаемся осмыслить этот факт. Население и руководство завода, естественно, на разных полюсах. Чтобы погасить нарастающее возмущение, руководство лихорадочно организует встречи с населением, приглашает представителей общественности на объект.

Но что можно понять из общих фраз о безопасности производства, о том, что «вредных веществ в оборотках после их выжигания останется очень мало», или, что «все нештатные ситуации тысячекратно прочитаны, и существует алгоритм их устранения»?

Пресса с умилением сообщает: «Представители общественности на секретном объекте». А что может увидеть и понять представитель общественности за час — два, проведенные на заводе? Красивые корпуса, элегантные контуры установок, переплетение проводов, «медные кишочки» труб, керамическую чудо-плитку, которая должна предотвратить проникновение ОВ в почву в случае аварии.

Общими фразами нам до сих пор пытаются заменить объективную информацию. Почему нельзя провести независимую экологическую экспертизу проекта и самого завода с участием иностранных специалистов? И результаты отпечатать в брошюре тиражом 100—200 тысяч экземпляров. Где будет освещено все: свойства ОВ и промежуточных веществ, маршрут и способы транспортировки боеприпасов, основные технологические операции, химиче-

ские процессы, меры безопасности и т. д. Лишь после этого население сможет сделать правильные выводы. А пока фактов нет, одни эмоции.

Но, может, эти сведения нам знать не положено по соображениям секретности? Хотя, наверняка, иностранным наблюдателям из ООН будет представлена исчерпывающая информация. Значит, мы менее благонадежны? Или эта экспертиза будет стоить дорого? Или окажется дорого построить завод в другом месте?

А может быть, дороже иметь еще одну Припять, строить еще не один Славутич?

А ведь Куйбышевская область, это не та степь, о которой мы читали в центральной прессе — «Гарнизон в степи», бескрайняя и бесплодная... Это и орошаемые земли совхозов, и города с десятками тысяч людей, и так уже загрязненные до предела большой химией. И все это расположено в радиусе от 3 до 12—15 километров от «чудо-завода». До самой Волги всего 25 километров, а до Куйбышева с его полуторамиллионным населением — 48 километров.

Сколько же миллиардов рублей и сколько тысяч жизней может стоить нам авария на заводе? Если существует даже ничтожная вероятность несчастья, мы не имеем права рисковать. Мы хотим оставить этот край живым нашим детям и внукам. Чтобы они могли ходить по этой земле без противоголоза и химзащитной одежды.

Владимир ЖУРАВЛЕВ,
инженер,
пос. Безенчук
Куйбышевской обл.

Щетки

«Тема исчерпана...» — сказал один из корреспондентов, улетая 8 июня из Уфы. Тема...

Может быть, сказалось привыкание человека, писавшего репортажи с места событий в Спитаке и Ленинкане, может, просто репортерская привычка так говорить — профессионализм, одним словом...

Ужас, дошедший через страницы газет, через отрывочные фотографии на первых полосах, смягчен расстоянием. Просто очередная катастрофа, каких последнее время хватает. Не первая, и явно не последняя, вроде не из самых тяжелых, если судить по цифрам. Героизм медиков, летчиков, военных, сданная кровь и т. д. — все это было потом, это уже было после...

Пройдите на кухню, зажгите газ, и попробуйте какое-то время задержать руку над огнем. А еще лучше, походите на металлургический завод, благо у нас их много, и гляньте в окно доменной печи... Ваши ощущения? А ощущения пятилетнего ребенка? Нет, не рядом с печью, а там — внутри нее.

Все происходило именно там, внутри. На несколько минут вагоны 212-го и 211-го поездов стали адской печью. Опыт предыдущих железнодорожных катастроф показывает, что — «пассажирский вагон при пожаре на воздухе выгорает за 25—30 минут, внутри — сплошной пластик». А за сколько минут он выгорает в среде летучих нефтепродуктов? Очевидцы, те, кто прибежал на место первыми, знают: за 10—15 минут...

Один из первых родственников, прибывших на место, молодой человек лет тридцати, нашел вагон и купе, где ехали его жена и дочь, сидит на сожженной земле, перебирает пакет с крышками для консервирования... В чем дело? «Это все, что осталось от моих... Жена звонила из Адлера и сказала, что достала крышки. Дефицит...»

Многим не осталось даже такой малости... Старший лейтенант стоит в фойе Дворца культуры нефтяников, где собрались родственники погибших и пострадавших. В руках полиэтиленовый пакет, в пакете — плоская картонная коробка. «Что хоронить? Вот, собрал пепел в вагоне, где были жена и сын...» И таких, как он, в Уфе собралось не один и не два — почти полторы тысячи...

Полиэтиленовые пакеты! Путем сложных преобразований на чудовищных комбинатах Миннефтехимпрома, которые отнюдь не крсят ни места, где расположены, ни тех, кто там работает, — газоконденсат из продуктопровода — тот самый — превращается в полиэтилен... Круг, в общем, замкнут. Но стоил ли пакет того, кто в нем находится?

Фотографии скрученных, сожженных вагонов, суровые лица медиков, военных на первых полосах газет. Вы думаете — это главные фотографии? В семи информационных центрах Уфы на столах лежат альбомы, обыкновенные альбомы в синтетических обложках зеленого цвета. В такие обычно собирают семейные групповые фотографии и фотографии детей. На некоторых из них и написано: «Дети». Внутри — фотографии полностью обугленные трупиков, по которым нельзя даже определить возраст и пол; фотографии «фрагментов», в которых едва угадываются части детских тел... Возле каждой фотографии лишь номер — 32, 108, 179... Альбомы дают родственникам — может, кто опознает? В информационных центрах действовало категорическое распоряжение: «Корреспондентам не показывать!» Боялись испугать? Кого?

Ее Величество Промышленность — химическая и станкостроительная, оборонная и приборостроительная, атомная и легкая... Я забыл, как величали языческих богов

наши далекие пращуры, но похоже, что именно дохристианский опыт мы упорно осваивали, годами принося на алтарь всевозможные жертвы: от собственного здоровья до целых морей. Теперь от нас требуют собственные дети... А мы до сих пор верим, что строим для них лучшее будущее.

«Лес рубят — щепки летят». Новое время — новые щепки.

Можно создать двадцать правительственных комиссий и заставить работать их день и ночь. Можно до посинения выискивать — кто виноват: оператор насосной стан-

ции, поднявший давление в продуктопроводе, или разгильдяй-работяга, неправильно сваривший и закопавший трубу в землю? Можно поставить на том месте, на котором еще долго не будет ничего расти, огромный обелиск в виде оплывающей свечи, как предложил кто-то из уфимцев. Но задайтесь одним вопросом — стоит ли зеленая синтетическая обложка альбома хотя бы одной фотографии из тех, что находятся под ней? Просто задайтесь вопросом...

Филипп ИЛЬИН,
г. Москва.

Белые нитки

С большим интересом прочитал репортаж «Буква закона и поступь жизни» (№ 3/89), там же — письмо «Порочный рецидив» и статью «Ход конем», помещенную в газете «Правда» от 14.04.89 г. и составил свою точку зрения на это дело.

Не состоя ни в каких неформальных организациях, после всего прочитанного я достал и прочитал программу «Демократического союза». Скажу прямо: я не нашел в ней ничего, что бы выходило за рамки идеологических разногласий.

Теперь о тексте брифинга. Я не хочу никому лично ставить в вину какие-либо действия или слова, а только опишу ту общую картину, которая складывается у человека «со стороны».

Есть пять человек, которые стоят на особом учете в КГБ и прокуратуре. В Ленинграде появляются печатные издания, где содержатся «призывы к свержению существующего у нас социалистического строя». Хотя должностные лица точно не знают, что такое «социалистический строй», является ли наш строй социалистическим и какое отношение к «печатным изданиям» имеют эти пять человек, они считают возможным санкционировать в их домах обыск, возбуждать против них уголовное дело

и бросить тень на их репутацию, поскольку «в действиях конкретных лиц... наблюдается... тенденция к проведению несанкционированных митингов». Логично?!

Поскольку к множительной технике, очевидно, можно отнести карандаш, очевидно, в комплекте с копировальной бумагой, то дело может принять очень серьезный оборот, если бумага окажется не отечественного производства. А журнал «Посев», очевидно, независимо от содержания, уже является достаточным основанием для отнесения действий его владельца к разряду антисоветских (хотя сами Советы у нас пока власти не имеют).

Еще очень интересный момент: «Мы не утверждаем, что раз у нас заведено дело, то оно будет направлено в суд». Выходит, можно возбуждать дела просто так, на всякий случай? Все это «шито белыми нитками». Очевидно, было указание, и прокуратура была вынуждена возбудить уголовное дело, чтобы иметь основания для обыска.

Можно было бы и дальше критиковать действия должностных лиц, но и так очевидно, что за четыре года перестройки в «компетентных органах» мало что изменилось.

Н. ПАВЛОВ,
г. Москва

Съезд народных депутатов СССР был небывалым зрелищем открытых политических противоречий. Противоречий, которые не получили и не могли получить скорого решения. Едва ли не эпицентром полемичности стали выступления академика А. Д. Сахарова. Мы уверены, наш читатель не осудит нас, прочитав, вслед за программным выступлением на съезде нашего выдающегося соотечественника, заметки Арвида Крона, быть может, намеренно отрезвляющие.

Обострение извечного спора идеалистов с прагматиками — отличительная черта этого жаркого лета. Стороны не только сталкиваются, но и зачастую пересекаются, обмениваются аргументами — точно так же, как в сознании многих из нас. От этого спора не уйти никому. Нам предстоит честно довести его до конца и — каждому — лично решить, как вести себя в такое ответственное время.

«Вся власть Советам»

Андрей САХАРОВ,
академик, народный депутат СССР

Уважаемые народные депутаты!

Я должен объяснить, почему я голо­совал против утверждения итогового документа Съезда. В этом документе содержится много правильных и очень важных положений, много принципиально новых прогрессивных идей. Но я считаю, что Съезд не решил стоящей перед ним ключевой политической задачи, воплощенной в лозунге: «Вся власть Советам!». Съезд отказался даже от обсуждения «Декрета о власти».

До того как будет решена эта политическая задача, фактически невозможно реальное решение всего комплекса неотложных экономических, социальных, национальных и экологических проблем.

Съезд народных депутатов СССР избрал Председателя Верховного Совета СССР в первый же день без широкой политической дискуссии и хотя бы символической альтернативности. По моему мнению, Съезд совершил серьезную ошибку, уменьшив в значительной степени свои возможности влиять на формирование политики страны, оказав тем самым плохую услугу и избранному Председателю.

По действующей Конституции Председатель Верховного Совета СССР обладает абсолютной, практически ничем не ограниченной личной властью. Сосредоточение такой власти в руках одного человека крайне опасно, даже если этот человек — инициатор перестройки. В частности, возможно закулисное давление. А если когда-нибудь это будет кто-то другой?

Постройка государственного дома началась с крыши, что явно не лучший способ действий. То же самое повторилось при выборах Верховного Совета. По большинству делегаций происходило просто назначение, а затем формальное утверждение Съездом людей, из которых многие не готовы к законодательной деятельности. Члены Верховного Совета должны оставить свою прежнюю работу «как правило» — нарочито расплывчатая формулировка, при которой в Верховном Совете оказываются «свадебные генералы». Такой Верховный Совет будет — как можно опасаться — просто ширмой для реальной власти Председателя Верховного Совета и партийно-государственного аппарата.

В стране, в условиях надвигающейся экономической катастрофы и трагического обострения межнациональных отношений происходят мощные и опасные процессы, одним из проявлений которых является всеобщий кризис доверия народа к руководству страны. Если мы будем плыть по течению, убаюкивая себя надеждой постепенным перемен к лучшему в далеком будущем, нарастающее напряжение может взорвать наше общество с самыми трагическими последствиями.

Товарищи депутаты, на вас сейчас — именно сейчас! — ложится огромная историческая ответственность. Необходимы политические решения, без которых невозможно укрепление власти советских органов на местах и решение экономических, социальных, экологических, национальных проблем. Если Съезд народных депутатов СССР не может взять власть в свои руки здесь, то нет ни малейшей надежды, что ее смогут взять Советы в республиках, областях, районах, селах. Но без сильных Советов на местах невозможна земельная реформа и вообще какая-либо эффективная аграрная политика, отличающаяся от бессмысленных реанимационных вливаний нерентабельным колхозам. Без сильного Съезда и сильных, независимых Советов невозможны преодоление диктата ведомств, выработка и осуществление законов о предприятии, борьба с экологическим безумием. Съезд призван защитить демократические принципы народовластия и тем самым — необратимость перестройки и гармоническое развитие страны. Я вновь обращаюсь к Съезду с призывом принять «Декрет о власти».

ДЕКРЕТ О ВЛАСТИ

Съезд народных депутатов заявляет:

1. Статья 6 Конституции отменяется.
2. Принятие Закона СССР является исключительным правом Съезда народных депутатов СССР. На территории Союзной республики Законы СССР приобретают юридическую силу после утверждения высшим законодательным органом Союзной республики.

3. Верховный Совет является рабочим органом Съезда.

4. Комиссии и Комитеты для подготовки законов о государственном бюджете, других законов и для постоянного контроля за деятельностью государственных органов, над экономическим, социальным и экологическим положением в стране — создаются Съездом и Верховным Советом на паритетных началах и подотчетны Съезду.

5. Избрание и отзыв высших должностных лиц СССР, а именно:

1. Председателя Верховного Совета СССР,
2. Заместителя Председателя Верховного Совета СССР,
3. Председателя Совета Министров СССР,
4. Председателя и членов комитета Конституционного надзора,
5. Председателя Верховного Суда СССР,
6. Генерального прокурора СССР,
7. Верховного арбитра СССР,
8. Председателя Центрального банка,

а также:

1. Председателя КГБ СССР,
2. Председателя Государственного комитета по телевидению и радиовещанию,
3. Главного редактора газеты «Известия»

— исключительное право Съезда.

Поименованные выше должностные лица подотчетны Съезду и независимы от решений КПСС.

6. Кандидатуры на пост Заместителя Председателя Верховного Совета и Председателя Совета Министров СССР предлагаются Председателем Верховного Совета СССР и, альтернативно, народными депутатами. Право предложения кандидатур на остальные поименованные посты принадлежит народным депутатам.

7. Функции КГБ ограничиваются задачами защиты международной безопасности СССР.

Примечание. В будущем необходимо предусмотреть прямые общенародные выборы Председателя Верховного Совета СССР и его Заместителя на альтернативной основе.

* * *

Я прошу депутатов внимательно изучить текст Декрета и поставить его на голосование на чрезвычайном заседании Съезда. Я прошу создать редакционную комиссию из лиц, разделяющих основную идею Декрета. Я обращаюсь к гражданам СССР с просьбой поддержать Декрет в индивидуальном и коллективном порядке, подобно тому как они это сделали при попытке скомпрометировать меня и отвлечь внимание от вопроса об ответственности за афганскую войну.

Я хотел бы возразить тем, кто пугает невозможностью обсуждать законы двумя тысячами человек. Комиссии и Комитеты подготовят формулировки, на заседаниях Верховного Совета обсудят их в первом и во втором чтении, и все стенограммы будут доступны Съезду. В случае необходимости дискуссия продолжится на Съезде. Но что действительно неприемлемо — если мы, депутаты, имея мандат от народа на власть, предадим наши права и ответственность своей одной пятой, а фактически — партийно-государственному аппарату и Председателю Верховного Совета.

Продолжаю. Уже давно нет опасности военного нападения на СССР. У нас самая большая армия в мире, больше чем у США и Китая, вместе взятых. Я предлагаю создать комиссию для подготовки решения о сокращении срока службы в армии (ориентировочно в два раза для рядового и сержантского состава, с соответствующим сокращением всех видов вооружения, но со значительно меньшим сокращением офицерского корпуса). С перспективой перехода к профессиональной армии. Такое решение имело бы огромное международное значение для укрепления доверия и разоружения, включая полное запрещение ядерного оружия, а также огромное экономическое и социальное значение. Частное замечание: надо демобилизовать к началу этого учебного года всех студентов, взятых в армию год назад.

Национальные проблемы. Мы получили в наследство от сталинизма национально-конституционную структуру, несущую на себе печать имперского мыш-

ления и имперской политики «разделяй и властвуй». Жертвой этого наследия являются малые Союзные республики и малые национальные образования, входящие в состав Союзных республик по принципу административного подчинения. Они на протяжении десятилетий подвергались национальному угнетению. Сейчас эти проблемы драматически выплеснулись на поверхность. Но не в меньшей степени жертвой явились и большие народы, в том числе русский народ, на плечи которого лег основной груз имперских амбиций и последствий авантюризма и догматизма во внешней и внутренней политике. В нынешней острой межнациональной ситуации необходимы срочные меры. Я предлагаю переход к федеративной (горизонтальной) системе национально-конституционного устройства. Эта система предусматривает предоставление всем существующим национально-территориальным образованиям, вне зависимости от их размера и нынешнего статуса, равных политических, юридических и экономических прав, с сохранением теперешних границ (со временем возможны и, вероятно, будут необходимы уточнения границ образований и состава федераций, что и должно стать важнейшим содержанием работы Совета Национальностей). Это будет Союз равноправных Республик, объединенных Союзным Договором, с добровольным ограничением суверенитета каждой Республики в минимально необходимых пределах (в вопросах обороны, внешней политики и некоторых других). Различие в размерах и численности населения Республик и отсутствие внешних границ не должны смущать. Проживающие в пределах одной Республики люди разных национальностей должны юридически и практически иметь равные политические, культурные и социальные права. Надзор за этим должен быть возложен на Совет Национальностей. Важной проблемой национальной политики является судьба насильственно переселенных народов. Крымские татары, немцы Поволжья, турки-месхи, ингуши и другие должны получить возможность вернуться к родным местам. Работа Комиссии Президиума Верховного Совета

по проблеме крымских татар была яв-
но неудовлетворительной.

К национальным проблемам примы-
кают религиозные. Недопустимы любые
ущемления свободы совести. Совершен-
но недопустимо, что до сих пор не по-
лучила официального статуса Украин-
ская Католическая церковь.

Важнейшим политическим вопросом
является утверждение роли советских
органов и их независимости. Необходи-
мо осуществить выборы советских ор-
ганов всех уровней истинно демократи-
ческим путем. В избирательный закон
должны быть внесены уточнения, учи-
тывающие опыт выборов народных де-
путатов СССР. Институт окружных со-
браний должен быть уничтожен и всем
кандидатам должны быть предоставле-
ны равные возможности доступа к
средствам массовой информации.

Съезд должен, по моему мнению, при-
нять постановление, содержащее prin-
ципы правового государства. К этим
принципам относятся: свобода слова и
информации; возможность судебного
оспаривания гражданами и обществен-
ными организациями действий и реше-
ний всех органов власти и должностных
лиц в ходе независимого разбиратель-
ства; демократизация судебной и след-
ственной процедур (допуск адвоката с
начала следствия, суд присяжных; след-
ствие должно быть выведено из ведения
прокуратуры: ее единственная задача —

следить за исполнением Закона). Я
призываю пересмотреть законы о ми-
тингах и демонстрациях, о применении
внутренних войск и не утверждать Указ
от 8 апреля.

Съезд не может сразу накормить
страну. Не может сразу разрешить на-
циональные проблемы. Не может сразу
ликвидировать бюджетный дефицит.
Не может сразу вернуть нам чистый
воздух, воду и леса. Но создание по-
литических гарантий решения этих
проблем — это то, что он обязан сде-
лать. Именно этого от нас ждет стра-
на! Вся власть Советам!

Сегодня внимание всего мира обра-
щено к Китаю. Мы должны занять по-
литическую и нравственную позицию,
соответствующую принципам интерна-
ционализма и демократии. В принятой
Съездом резолюции нет такой четкой
позиции. Участники мирного демократи-
ческого движения и те, кто осуществля-
ет над ними кровавую расправу, ста-
вятся в один ряд. Группа депутатов
составила и подписала обращение, при-
зывающее правительство Китая прекра-
тить кровопролитие.

Присутствие в Пекине посла СССР
сейчас может рассматриваться как не-
явная поддержка действий правитель-
ства Китая правительством и народом
СССР. В этих условиях необходимо от-
звать посла СССР из Китая! Я требую
отзыва посла СССР из Китая!

ПОЧТА

Нужна энциклопедия ГУЛАГа

Память о людях, которые состав-
ляли цвет народа и погибли, или,
в лучшем случае, отмучились в раз-
личных лагерях, безусловно, заслу-
живает увековечивания. Одним из
вариантов памятника этим мучени-
кам мне представляется издание
энциклопедического справочника
(возможно, многотомного), в ко-
тором должны содержаться адреса
всех лагерей, время их возникнове-
ния и срок существования, количе-
ство и основной контингент людей,

содержавшихся в них (может
быть — по годам), а также — хотя
бы малая часть воспоминаний тех,
кто прошел все круги ада, сохра-
нил человеческое достоинство и
дожил до наших дней.

Такого рода памятник, во-первых,
доступен всем, кто не безразличен
к судьбе жертв, а, во-вторых, име-
ет повышенный шанс сохраниться в
течение многих поколений.

Е. ДУДРОВИЧ,
г. Иршанск Житомирской области.

ДАЙТЕ ЖЕ ЕМУ ШАНС!

Демократизация: между Сахаровым и Горбачёвым

Арвид КРОН
(ФРАНЦИЯ)

Мне не забыть волнения, когда после пятнадцатилетней разлуки я шел путешествующим Арбатом. Вечер. Группы молодежи. Вот трое спорят с милиционером о допустимости применения полициями и милициями всего мира слезоточивых газов и дубинок против демонстрантов. У того на запястье болтается та самая дубинка. В другой группе обсуждается, была ли неизбежна Октябрьская революция. А там возвышающийся над толпой гигант удачно пародирует бывшего генсека, толпа хохочет... В тот вечер, как и во все последующие дни, комок часто подступал у меня к горлу: после стольких лет унижения великая нация осознает себя, не боится смотреть правде в глаза, нащупывает свой путь в семью демократических наций. Я никогда не верил, что доживу до этого.

Как опасен, однако, этот путь...

С теми же чувствами смотрел я заседания Съезда народных депутатов. Вот Горбачев, словно озабоченный отец семейства, старается примирить разноречивых и разгоряченных его членов... Вот Сахаров, с видом отшельника, пустычника, святого, выступает за правду — и против 11-й статьи. Горбачев — за. Может показаться странным, но в этом противостоянии нобелевского лауреата и генсека я, скорей, на стороне генсека. В ушах звучат напряженные, изломанные голоса в автобусах, очередях, на улицах. В них разочарование и надежда, вера и неверие, раздражение, усталость... сведение счетов... месть.

Голос народа. Но и голос новых опасностей. Этим голосом нельзя не внимать.

Мне вспоминается мой мирный, спокойный, многокрасочный Париж. Но едва намечается демонстрация или митинг, преобладающим цветом улицы становится темно-синий. Вытягиваются вереницы темно-синих автобусов, проха-

живаются, разминаясь, молодежавые парни в того же цвета униформе. Это СРС — противомятежные полицейские части. Их тут размещают на всякий случай. Всегда.

За десятилетия политической стабильности в СССР люди забыли, как быстро, внезапно она кончается. Снова Париж: осень 87-го года. Только что принят закон о реформе системы просвещения, призванный модернизировать ее. Предварительные опросы общественного мнения отнюдь не предвещали бури...

Внезапно вспыхнули и распространились на всю страну забастовки студентов и школьников против закона. Наполненные ими поезда прибывали в Париж. Сплошной лавиной они шли по улицам, заполняли их от края до края. Шли спокойно, не хулиганили, но гордые и упоенные своей силой. Прохожие жались к стене, чтоб не быть унесенными их потоком. На площади Инвалидов СРС преградили путь демонстрантам к зданию Национального собрания. Экстремистские группы среди студентов пытались спровоцировать СРС на нападение, чтоб обострить обстановку и превратить организованную демонстрацию в неконтролируемый мятеж. Нескольких часов стояли шеренги СРС под градом пустых бутылок, камней и оскорблений — и выдержали! Провокация не получилось. Впоследствии правительство уступило, министр просвещения ушел в отставку — и волнения кончились так же быстро, как возникли.

Я привел эту историю потому, что, как мне кажется, она иллюстрирует механизм народных волнений в условиях демократии. Как внезапно, даже по пустякам, они могут вспыхнуть! Не эта ли опасность поджидает вас впереди? Вспыхнет в одном месте бездумный мятеж, сухим порохом перекинется в дру-

гое, заполыхает кругом, прольется кровь... и новой эре, эре надежд, придет конец. Эта катастрофа будет последней: страна уже не поднимется вновь.

Поэтому политик Горбачев с медлительной осторожностью ступает через это минное поле. Поэтому опрометчив гуманист Сахаров, торопя его шаги из наилучших побуждений. Человеку доброду, Сахарову хочется забыть, как страшна человеческая стихия без авторитетных, ответственных лидеров, без политических структур, способных направить в цивилизованное русло движение масс. «Ослабить власть аппарата» — в чью пользу? Нет устойчивых, ответственных внепартийных организаций в поддержку перестройки, которые могли бы разделить бремя власти. Есть, конечно, сам Сахаров, но ведь нет «сахаровцев». Пока их нет — нужно ждать: нельзя демократизировать пустоту.

Демократизация усугубила и национальные проблемы. Демократия — это прекрасно, но она не палочка-выручалочка. Передачи Би-Би-Си каждые несколько дней сообщают об убийствах в Северной Ирландии. Католики убивают протестантов, протестанты — католиков, те и другие убивают полицейских. Это тянется годами, десятилетиями. И это — Великобритания, колыбель современной демократии.

Я был в Белфасте. Центральная торговая часть города огорожена, железобетонные бункеры, часовые по периметру, на КПП полицейские роятся в вещах всех входящих. Ночью не погуляешь — осадное положение. Полиция знает почти всех террористов, но арестовать их нельзя, демократия: подозрение — не повод для ареста. Это, конечно, правильно, однако, противостоят общины и льется кровь. Жуткие, вечные, неразрешимые национальные проблемы. Выдержит ли их ваша хрупкая демократизация?

* * *

Советские зрители, следившие по телевидению за дебатами Съезда, не заметили, возможно, главное: 30 мая 1989 года кончилась одна эпоха и началась другая: эпоха рыночного социализма, социализма сытых. Ибо в этот день, генеральный секретарь Горбачев

сказал, что «решающее направление экономической реформы — становление полнокровного социалистического рынка. Разумеется, рынок не всесилен. Но другого, более эффективного и демократического механизма хозяйствования человечество не выработало».

Впервые со времен «Манифеста коммунистической партии» коммунистический лидер высказался за рынок.

Медленно, с большой осторожностью принимает Горбачев важные глобальные решения. Но принявши их, как показало время, не отступает от них никогда. Я думаю, что он не отступит и сейчас. И если сумеет провести свой политический корабль между Сциллой диктатуры и Харибдой анархии, он достигнет обетованного берега. Он достигнет того, что в последние годы стало целью его жизни: построить социализм, достойный человека. Социализм, в котором можно жить.

Возможен ли вообще такой социализм? Не самообман ли это?

Но ведь такой социализм частично уже есть, уже действует. Необычайная индустриальная эффективность капиталистических стран не связана непосредственно с капитализмом — она связана с рынком. Во Франции существуют две автомобильные фирмы, «Рено» (национализированная) и «Пежо» (частная). Левые утверждают, что «Рено» эффективнее «Пежо», а правые с той же страстью твердят противоположное. Это на самом деле означает, что они приблизительно одинаково эффективны: французы одинаково охотно покупают как «Рено», так и «Пежо». Это значит, что отсутствие персоны капиталиста — не катастрофа, катастрофа — отсутствие конкуренции.

Другой французский пример. В 1981 году социалисты национализировали все банки, сохранив, однако, конкуренцию между ними. В 1986 году пришли к власти правые, но денационализировали банки лишь частично и не сразу. Почему? Потому что банки работали и так хорошо. Получается, что банкам — сердцу, кровеносной системе капитализма — все равно, где работать, были бы рынок и конкуренция.

Социалистический рынок будет работать не хуже, чем капиталистический.

И это будет тем не менее полный социализм, за отсутствием каких бы то ни было капиталистов.

А как быть с бюрократами?

Один китайский реформатор недавно сказал: начиная реформы, нужно помнить о двух обстоятельствах: во-первых, реформы всегда вызывают сопротивление, во-вторых, они создают обиженных, и этих обиженных нужно удовлетворить. Советская перестройка прежде всего угрожает руководящему слою, стало быть, именно этот слой нужно успокоить. Когда из Союза доходят сведения о закрытии спецраспределителей, я думаю: это красиво, это благородно, это справедливо, но, с другой стороны, как это неразумно — следовало бы удвоить, утроить «спецпайки». Не как подачку, разумеется, а как задаток, как залог. Как символ того, что перестройка ни у кого ничего не отнимет, зато даст всем.

Предпринимателями рождаются. Так же как и рождаются бюрократами. В предреволюционной России, быстро входившей на капиталистический путь, хватало предпринимателей, купцов, заводчиков. Я задаю себе вопрос: кем они становятся после Октября? Те природные предприниматели, которые родились в 20-х, 30-х, 40-х годах — кто они сегодня? Предприниматель — это человек воли и дисциплины, любящий и умеющий управлять людьми, инстинктивно чувствующий конъюнктуру и ее изменения, любящий власть, способный предпринимать решительные действия. Большинство этих качеств отличает и людей аппарата. Где же природные русские Строгановы, Демидовы, Морозовы, Рокфеллеры, Форды? Застыли в директорах магазинов, в деятелях черного рынка? Не верю — слишком мелко для них. Они там, где им и полагается быть: наверху, в аппарате! Только вместо того, чтобы управлять потоками товаров, они управляют потоками бумаг. Это печально, но поправимо. Им нужно помочь найти свое истинное призвание, помочь перестроиться. Но перестраиваться придется и всей стране. Всем.

Мой друг, переводчик, работал с делегацией советских инженеров во главе с замминистра, приехавшей во Фран-

цию, как обычно, для закупок оборудования. По традиции последний день посвящается магазинам, и подводит переводчик делегацию к известному всем советским туристам в Париже дешевому магазину «Тати». Тут отводит замминистра переводчика в сторону и говорит ему: «Ты привел нас сюда, Олег, спасибо. А теперь, видишь, вон лавочка, ты пойдй туда, посиди. Ты на наш позор не гляди. Мы здесь сами разберемся». И пошел замминистра с сотоварищами копать в дешевом тряпье среди негров, арабов и прочего беднейшего местного населения, близкого к люмпенам...

Так ли будет ездить за границу в условиях рыночной экономики никому сверху не подотчетный, с завалом валюты директор крупного советского завода типа, скажем, Уралмаша? Да перед ним будут падать ниц, как перед королем, как перед красным Фордом: от его заказов будет зависеть судьба городов, может быть, стран!

Вот так и получится, что от перестройки выигрывают все, почти все, и не проигрывает никто. И только так она и сможет победить.

Это будет любопытное общество, такового не было никогда. Монолитный ныне правящий слой разделится на два класса. Бюрократы от рождения бюрократами и останутся и составят будущей гос- и партаппарат, армейское руководство и т. д., то есть, образуют класс администраторов. Предприниматели от рождения займутся рыночным народным хозяйством и образуют класс менеджеров (но не капиталистов). Интересы двух правящих классов будут сходными, однако, не тождественными. Например, опасаясь чрезмерного усиления администраторов, менеджеры будут стойкими защитниками ограниченной демократии. Тем самым будет достигнута одна из главных целей Горбачева — его перестройка станет необратимой: на защите демократических завоеваний будет стоять мощный класс.

* * *

Как никогда близок Горбачев к успеху. Но как дорого стоили ему эти его четыре года! Я не ожидал, что услышу столько раздраженных слов в его адрес, даже от интеллигенции, которая

больше всех от него получила — и так мало ему помогла. «Вы там ничего не понимаете. Кричите: Горбачев! Горбачев! А у нас есть нечего!» Но, может быть, это вы не совсем понимаете, что сделал Горбачев для нас — для Запада и для всего современного мира? Представляя себе западного человека, окруженным комфортом и заманчивой техникой, вы не понимаете его давнего подспудного ужаса. Постарайтесь встать на его место, влезть в его шкуру, вообразить, чем еще недавно были для него — вы.

С 40-го года уходит на Восток страна за страной — и не возвращается.

С 40-го года перемещаются границы — всегда в одну сторону, на Запад. Упорно и неумолимо железный игрок передвигает свои фигуры вперед — везде, всюду, на всех континентах!

Восточных разведчиков выявляют и самом центре спецслужб. Вооружения СССР растут. Афганистан. Кажется, всему этому никогда не будет конца...

Я достаточно прожил с западными людьми, чтоб ощутить их ужас перед этим неумолимым, безжалостным давлением.

И вдруг стальная хватка ослабла — и исчезла! Вначале этому никто не верил. Этого не могло быть, потому что этого никогда не бывало. Но это произошло, и произошло благодаря Горбачеву. Поэтому Запад благодарен Горбачеву — и Запад прав. До сих пор никто в СССР не сделал для остального мира ничего сопоставимого по значению.

Будущее «нового СССР» во многом будет зависеть от его устойчивости. Но будущее — неопределенно. Сегодня Горбачев едва выходит на финишную прямую рыночного социализма. И он добежит до цели, если ему не будут ставить подножки — и не только его враги, но и слишком пылкие и нетерпеливые друзья перестройки.

Дайте же, дайте, дайте ему шанс!

ПОЧТА

Пишу ночью

Пишу ночью. Не потому, что я страдаю бессонницей. Пишу потому, что впервые за тридцать пять лет своей жизни по-настоящему чувствую слабую боль пробудившейся совести. С каждым номером вашего бюллетеня в моем сознании пробуждается такое, о чем я и не предполагал раньше: боль, стыд за себя и Отечество, радость воскресения, убежденность в торжестве добра и ниспровержении зла. Я начинаю верить с широко открытыми глазами. Не слепо и зазубренно, а осмысленно.

У меня появилась такая жажда к чтению, что не хватает активного времени и приходится отвоёвывать время ночное. Но лишь одно чте-

ние — потребительство. Я хочу активно отстаивать свои позиции и уже действую.

Больше всего я начал бояться смерти прежде срока. Ведь так много надо нам сделать! Для людей в настоящем и детей в будущем.

Во второй части письма я хочу подписаться под каждым словом философа В. Соловьева (в статье А. Борисова «Зло. Смертная казнь и русская интеллигенция», «Век XX и мир», № 3/89). Пусть и мой голос уменьшит число защитников гнусного института казни: я против смертной казни.

А. ДЕВЯТКИН,
г. Сумы.

ПРИНЦИПЫ ЗОНЫ

Люди и власть в Чернобыле

Симон КОРДОНСКИЙ,
наш специальный корреспондент

Говорят, перед приездом высоких гостей и зарубежных экскурсантов площадку перед четвертым блоком Чернобыльской АЭС всякий раз заливают специальным бетоном. Доктор технических наук Георгий Ляпин рассказывал, как люди в штатском заставляли работающих в самых «грязных» местах снимать респираторы, чтобы продемонстрировать гостям качество очистки территории станции. В ПО «Комбинат» создано специальное управление информации и зарубежных связей, сотрудники которого активно «организуют» официальное мнение о зоне, специфике жизни и работы в ней, опасности и безопасности атомной энергетики, опираясь при этом на высокие международные авторитеты из МАГАТЭ. Учреждения, принимающие жалобы, завалены заявлениями советских людей, так или иначе пострадавших от катастрофы, но специально на то уполномоченные врачи в особых стационарах лечат людей от боязни последствий облучения — радиophobia, а не от самих последствий. Детям, вялым и теряющим способность к обучению, врачи ставят ни к чему не обязывающий диагноз «иммунодефицит», такой же как при СПИДе. Однако «вирус», вызывающий это заболевание, не имеет никакого отношения к эпидемии, бушующей за рубежом и только-только проникающей в страну. Этот вирус социального происхождения.

Только из-за толстых стекол специального автобуса, предназначенного для перевозки многочисленных экскурсантов, зона кажется пустой и малонаселенной. Ощущение заброшенности и дурной сказки, воплощенной в реальность, сопровождает каждого, кто входит в покинутые дома, где полы покрыты слоем бро-

шенных в спешке вещей, где смешаны белье и детские игрушки, лекарства и семейные фотографии, где на заборах все еще висят кастрюли и кринки, а на веревках четвертый год сушится истлевшее белье. Вопреки этому ощущению, зона населена. Тысячи людей в форме и униформе движутся по Припяти, Чернобылю, по пыльным дорогам сел, медленно и верно заполняющихся «самоселами». Люди в зоне живут, кто временно, кто постоянно. В обеденный перерыв толпы одетых в «робы» людей, проходя через дуги стационарных радиометров, наполняют огромные столовые. Это солдаты срочной службы и «партизаны» — так здесь называют призванных на сборы и отбывающих воинскую повинность в Чернобыле. Это рабочие и многочисленные служащие ПО «Комбинат» и других организаций, имеющих в зоне свои интересы. Даже в Припяти поблизости от объекта «Укрытие» — бывшего четвертого блока АЭС — живут и работают специалисты, о занятиях которых ходят всякие легенды.

А в самом Чернобыле, когда-то районном центре, а теперь базовом городе зоны, выведенной из административно-территориального деления СССР, в 18 километрах от эпицентра трагедии, бурлит жизнь, которая внешне выглядит вполне обычной. Работают библиотека и аптека, дом культуры и почта, в газетных киосках свободно продаются «Огонек» и толстые журналы. Магазины торгуют мелким дефицитом: шоколадом, маслом, сыром, стерилизованным молоком, сумками, косметикой, зубной пастой и мылом. Минеральная вода и дезактиваторы для тканей, металла, дерева и пластмасс выдаются бесплатно. В быв-

шем кинотеатре, ныне носящем название «Сталкер», работают видеозал и диско-тека. ПО «Комбинат» имеет свое радиовещание и издает газету «Трудовая вахта», где обсуждаются местные проблемы борьбы с мародерством и самогоноварением (в зоне «сухой закон»), статус организации союза участников ликвидации последствий катастрофы, плохая организация и качество питания в столовых. Предприятие «Комплекс» объявляет о том, что принимает на дезактивацию постельное белье, спецодежду и все остальное.

Зона живет своей жизнью, в которой быт и стереотипы советских людей реализуются в фантастическом мире. В водоемах зоны водятся огромного размера рыбы, мечта рыбаков. Палисадники брошенных домов поросли одичавшей клубникой. Черешни, вишни, сливы, яблоки и груши ломают ветки неухоженных деревьев. «Самоселы», не прижившиеся там, где их поселили, вернулись в свои радиоактивные деревни, косят радиоактивную траву, откармливают скот, делают брагу, топят печки дровами из лесов, куда запрещается входить без спецкостюмов. Выкормленное и выращенное, как и вызревшее само, становится товаром, который охотно потребляют вахтовики и все желающие. Устойчивый запах перегара стоит по утрам в столовых зоны. Рыба и плоды скрашивают по вечерам столы в квартирах, превращенных в общежития: могут засвидетельствовать, что нуклиды нисколько не портят их вкуса. А людям, довольствующимся пятнадцать дней в месяц одним и тем же набором блюд по три раза в день — правда, с огромным количеством мяса и печени — так хочется чего-нибудь такого, пусть даже и радиоактивного.

Мужчины в зоне не только работают, но и развлекаются. Они ухаживают за многочисленными женщинами-вахтовичками, добиваются взаимности и даже начинают детей, судьба которых, думаю, неизвестна авторитетам из института биофизики Минздрава СССР. Они пьют и закусывают, ездят на рыбалку и просто так — подалее от осточертевших общежитий.

Аборигенные зоны, строители и эксплуатационники АЭС привыкли к своему положению, смирились с тем, что с ни-

ми произошло. Они делят время на периоды «до войны» и «после войны». Они считают себя сбреченными и заботит их судьба детей — примерно пяти тысяч, — попавших под радиоактивное облако. «Ликвидаторы», нанятые по всей стране, озабочены тем, чтобы побольше заработать. В этом отношении зона благодатное место, успешно конкурирующее с Крайним Севером.

Люди, живущие и работающие в зоне, задают вопросы, ответов на которые я не нашел в выпущенном Политиздатом и подготовленном управлением информации и зарубежных связей ПО «Комбинат» почти 300-страничном справочнике «Чернобыль: события и уроки». Что делают в зоне 18—20-летние солдаты, которым еще предстоит стать отцами, может быть, больных детей? Зачем в зоне столько женщин? Или им уже не стать матерями? Почему в числящихся безлюдными селах на обочинах дорог, прямо под «кирпичами» с надписями «Радиация», играют дети? Чьи они? Почему люди, принимавшие участие в ликвидации последствий аварии (за исключением тех 300, которые официально признаны пострадавшими) лишены не только своего материализованного прошлого, но и статуса участников ликвидации? В первые дни и месяцы после катастрофы такие удостоверения выдавались, но потом приказом ПО «Комбинат» объявлены недействительными. Почему дозиметры-накопители у всех известных мне ликвидаторов в конце вахты показывают примерно одну и ту же дозу облучения, вне всякой связи с выполненной, часто очень опасной работой? Почему зона стала огромным резервуаром, в который окунаются люди, привлеченные большими деньгами? Ведь вместе с деньгами они получают свои дозы облучения и растворяются в населении огромной страны без всяких официальных признаков прикосновения к реальности, омертвляющей не только настоящее, но и будущее.

Люди, работающие в зоне, «выполняют свой долг» точно также, как это делали наши солдаты в Афганистане. За «Афган» пришлось заплатить 15000 жизней и десятками тысяч искалеченных судеб. Во сколько жизней нам обошелся — и еще обойдется — Чернобыль?

Радиоактивность продуктов, выброшенных из кипящего реактора, уменьшается по естественным законам, не подвластным решениям Правительственной комиссии, как и пути биогеохимической миграции радионуклидов, накапливающихся в водах, земле, растениях, животных и людях как в зоне, огражденной колючей проволокой, так и вне ее, часто за тысячи километров. Ликвидаторы собрали и захоронили в многочисленных могильниках (и как говорят, не очень удачно) сотни тысяч кюри радиоактивных материалов. Зараженность территории станций и зоны в целом резко уменьшилась. Три блока АЭС устойчиво работают в вахтовом режиме эксплуатации. Если проживание в зоне стало безопасным, как утверждают медики и биологи из специализированных учреждений, то чем можно обосновать само ее существование? В чем смысл, если люди все равно возвращаются в места своего «довоенного» обитания, а десятки тысяч жителей Гомельской и некоторых других областей живут в районах, где уровень радиации в несколько раз выше, чем в Чернобыле? Если же работа и проживание в зоне опасны, то почему здесь столько людей?

Общеизвестно: раз большие начальники начинают благоустраивать окружающий их пейзаж — им нечего делать. Вокруг желтого металлического здания Правительственной комиссии зарастают травой проплешины от врытых в землю строений и из окон правительственных кабинетов видна только зелень. Принято решение об уничтожении 400 ветхих домов. Для его выполнения в зону введены танки и самоходные артиллерийские установки. Никто не мог мне объяснить, что меняется от того, что радиоактивные нуклиды перемещаются из материала домов в почву, где вероятность их попадания в грунтовые воды гораздо выше. И уж совсем непонятно сжигание домов и превращение нуклидов в аэрозоли, проникающие всюду.

Мне кажется, что бурная жизнь в зоне — это попытка того, что мы сейчас называем реальным социализмом, воссоздать себя в своем идеальном варианте, наследуя незабвенной памяти Дальстрою. Зона представляет собой гигантский фаланстер, огражденный колючей

проволокой. Здесь все бесплатно, и все унифицировано — и одежда, и душа, и тело, и мысли. Люди одеты в бесплатную форму, бесплатно едят одно и то же в одно и то же время, бесплатно живут в общежитиях, и время, свободное от полезной государству работы, проводят одинаково скучно. Дальстрой производил золото и стратегические материалы, перемалывая людей в лагерную пыль. Зона производит электроэнергию и могильники, перемалывая людей в больных или чувствующих себя больными невротиков и психопатов. Прогресс налицо, но прогресс чего?

Зона создает тысячи высокооплачиваемых рабочих мест, куда, как магнитом, притягиваются люди из всех областей страны. Вместе с ростом количества рабочих мест и объема осваиваемых средств растет и государственный статус ее начальников. Этот процесс, как показывает опыт Минводхоза, невозможно остановить, особенно если учесть почти полную закрытость всего, что в зоне происходит. Создано даже специальное учреждение цензуры, экспертный совет, который «режет» любую информацию, несоответствующую мнению, которое экспертиза считает полезным для государства.

Создание зоны породило огромное количество социальных, экономических и психологических проблем, но их решают почему-то чиновники из причастных к катастрофе министерств и ведомств, по вполне понятным причинам приверженных репрессивным и чрезвычайным стереотипам мышления и деятельности. Десятилетиями проблемы государственной важности решались созданием зон, обнесенных колючей проволокой, в которых за внешней упорядоченностью поведения пряталась анархия, произвол и бесправие всех, кто оказывался в них, — и начальников, и подчиненных. Неужели мы сейчас не сможем отказаться от стереотипов доперестроечного времени?

В последние месяцы жалобы тех, кто пострадал от катастрофы или при ее ликвидации, прорвались через плотину экспертного совета в средства массовой информации. Люди просят, чтобы их признали жертвами катастрофы и оказали соответствующую медицинскую и социальную помощь. Медики отрицают

правомерность этих просьб и твердят, что зарегистрированные дозы облучения никак не могут спровоцировать ставшую массовой симптоматику. Но откуда медикам известны реальные дозы облучения?

Ведь в первые недели катастрофы, когда тысячи молодых солдат буквально с голыми руками бросались в пекло горящего реактора, измерения не велись. Более того, из писем обезумевших от горя матерей погибших солдат ясно, что никто не учитывал их сыновей, поднятых по тревоге, сделавших смертельно опасные работы и возвращенных в свои казармы. Да и качество отечественной техники никак не гарантирует точности измерения фона и индивидуальных доз. Кроме того, непонятно, учитывают ли наши академики от лучевой болезни масштабы химического поражения людей? Ведь при аварии и ее ликвидации в воздух, воду, в землю были выброшены тысячи тонн свинца, тонны циркония, кадмия, бериллия, бора, неизвестное количество плутония, смертельно опасных даже в следовых концентрациях. Может быть, именно сочетание подпороговых доз облучения и химического отравления дает «чернобыльский синдром»?

Этого синдрома нет в обязательной для всех врачей и социальных работников единой классификации болезней. Врач, каким бы хорошим человеком он не был, ставит диагноз в точном соответствии с поименованными в классификации нозологическими группами — и одновременно смотрит в свой аналог уголовного кодекса, — в справочник ВТЭК — какие социальные льготы и гарантии полагаются при таком диагнозе. Льготы, связанные с освобождением от обязанности трудиться или с ограничением мест приложения труда, жестко нормируются, и врач, ставя такой диагноз, вынужден вступать в конфликт с контролирующими социальную справедливость организациями. Диагностика людей, пострадавших от аварии в Чернобыле, как больных лучевой болезнью или чем-то также серьезным, означало бы, что государство обязалось взять их на свое содержание, обеспечить льготы, на которые у него сейчас нет средств.

Государство израсходовало 8 миллиардов рублей на ликвидацию технических

и экологических последствий аварии. Теперь ему, такому могучему, не под силу оплачивать социальные последствия своих собственных действий. Зато оно находит средства содержать зону со всеми ее атрибутами — от колючей проволоки до толп развезжающих на всех мыслимых транспортных средствах и мающихся от безделья охранников.

Государство автоматически и бездумно отбирает у всех работающих 40—50 процентов произведенного ими. Оно расходует эти средства, в частности, на бесплатное здравоохранение и социальное обеспечение. Из этих денег оплачивается труд судей-врачей, отказывающихся ставить очевидные диагнозы или изменять классификации болезней так, чтобы больные люди получили хоть минимум благ. Из этих денег оплачивается труд судей — работников системы социального страхования, отказывающихся даже ставить вопрос о возврате оставшегося в зоне имущества. Отселенные из зоны получили только страховую стоимость своих строений и минимальную компенсацию за вынужденный переезд. Их имущество осталось в зоне, мародерство в которой, по рассказам очевидцев, приняло катастрофические размеры. Ведь кто охраняет, тот и имеет.

Сотням и тысячам советских людей специально на то уполномоченные врачи ставят сейчас психиатрический диагноз «радиофобии», который ни к чему государство не обязывает. Скорее наоборот, при таком диагнозе государство приобретает право защищаться от «активных радиофобов», помещая их в психиатрические больницы. Эта ситуация очень напоминает совсем недавние времена, когда другие «врачи» ставили людям, пытающимся осмыслить свое положение в государстве реального социализма, диагноз «шизофрения».

Чернобыль показал в очередной раз, что право на бесплатное здравоохранение и социальное обеспечение не обеспечивают этих социальных благ. Государство в первую очередь позаботилось о самом себе, вводя в эксплуатацию оставшиеся три блока Чернобыльской АЭС. Помощь гражданам, которых авария и ликвидация ее последствий обрекли на невиданные в мирное время стра-

дания, осуществляется в последнюю очередь. Если государство не может обеспечить лекарствами, питанием и патронажем пострадавших не по своей воле людей, то нам — простым гражданам этого государства — надо объединиться и попытаться помочь им. Ведь никто из нас не гарантирован от того, что в результате очередного эксперимента мы сами не окажемся в положении чернобыльцев. Очень хочется знать, на что и как истрачены 540 миллионов рублей и 2,7 миллиона валютных поступлений, собранных в свое время на счете № 904. По уверению составителей справочника «Чернобыль: события и уроки», среди которых заместитель председателя правительственной комиссии В. Я. Вознюк, «...средства фонда пошли на помощь населению Украины и Белоруссии, а также на другие расходы, связанные с ликвидацией аварии на ЧАЭС». Какие это другие расходы? Мне кажется, что настало время отчитаться по расходам с этого счета и обосновать правомерность этих трат.

Но даже если государственные организации растратили эти деньги, мы, наверное, если объединимся, сможем собрать снова с миру по нитке — чтобы оплатить труд настоящих врачей, чтобы купить за рубежом лекарства, которых в стране нет, чтобы научиться лечить детей, которых еще можно лечить. Фонд мира и Фонд «За выживание человечества» тратят миллионы на финансирование самых экстравагантных предложений для пеших, морских и воздушных прогулок. Малая толика этих денег могла бы тем, кто действительно в ней нуждается и кому государство помочь не может.

Сейчас в Чернобыле люди пытаются самоорганизоваться в Союз пострадавших от атомной катастрофы. Наверное, надо помочь им это сделать, превратив эту еще очень слабенькую общественную организацию в инструмент, с помощью которого можно помочь людям, пострадавшим от беспримерного несчастья.

Чернобыль — Москва

ВСПОМНИТЬ ВСЕ КАК БЫЛО

ОТ РЕДАКЦИИ

Поток откликов на публикацию призыва А. И. Солженицына «Жить не по лжи!» не иссякает. Лишь редкие читатели отрицательно оценивают факт публикации и ее содержание. Но среди тех, кто нас поддерживает, нет однообразия в предлагаемых ими проблемах, вопросах и ответах на них. Видимо, призыв писателя задел такие глубокие пласты человеческой личности, что и теперь, пятнадцать лет спустя, не теряет своей духовной актуальности.

Редакцию заинтересовали два отклика — они пришли почти одновременно — на поднятую А. И. Солженицыным тему трагических чехословацких событий в августе 1968 года. Отклики дают противоположную оценку и самим событиям, и позиции А. И. Солженицына. Один — статья доцента А. Шестакова в многотиражке Новочеркасского политехнического института «Кадры индустрии» (15 мая 1989 г.); позиция автора говорит сама за себя, и мы приводим ее здесь с небольшими сокращениями. Нам приятно, что редакция сопроводила статью подкупающе искренним комментарием, концовку которого хочется привести:

«Простите, передовики, простите, коммунисты. Хочется говорить правду. Лгать — надоело».

К этим словам близко письмо москвичка Владимира Гривенко, исходящее не столько из тех или иных оценок, сколько из презумпции знания фактов — знания, означающего готовность к ответственным решениям. Публикация текста, приложенного к письму Гривенко, поднимает, на наш взгляд, интересный вопрос: насколько совместим обличительный пафос доцента Ше-

стакова с крайне умеренными, с точки зрения критериев перестройки, призывами авторов этого старого текста? Ведь мы довольно спокойно отнеслись к прошедшему недавно в Москве, у венгерского посольства, митингу обществу памяти Имре Надя — согласно всем нашим школьным учебникам, «яркого контрреволюционера»...

Но у нас, у редакции, свой интерес. Мы не намерены включаться в уже начавшуюся у нас в стране полемику по поводу тех запутанных политических дел. С нашей точки зрения, речь идет о неделимости современного мира — и неотрывности примирения от покаяния.

Ведь статья Шестакова пришла из Новочеркаска — города, где в 1962 году мирная демонстрация рабочих против повышения цен была расстреляна войсками — нашими, советскими войсками. Мало кто из столичных интеллигентов в Москве и вообще на Востоке обратил тогда внимание на «провинциальный инцидент» — и шесть лет спустя те же войска вмешались в споры пражских интеллектуалов.

Эхо Праги снова вернулось в Москву — гонениями на науки и культуру, розыском «инакомыслящих», смещением Твардовского с поста редактора «Нового мира», высылкой самого Солженицына. Начинались долгие, глухие заморозки.

Мир неделим. Эстафета насилия и неведения передается от поколения к поколению — и кровь рождает новую кровь. Рассказывают, во время новочеркасского расстрела со стороны войск доносились выкрики: «Получайте за Тбилиси!» (имелось в виду подавление волнений в Тбилиси в 1956 году, преи-

мущественно русскими войсками). И вот снова русские ребята стреляют в Тбилиси: нет ли среди них мальчишек из Новочеркасска?

У зла нет конца. И забыть о прошедшем нельзя — его нужно простить. Но невозможно простить, не вспомнив все как было.

«Перестройка нуждается в защите»

Солженицын утверждает, что мы, послав свои танки в Чехословакию, предали, обманули чехословацкий народ. Такое мог написать лишь человек насквозь фальшивый, глубоко, всем нутром своим ненавидящий советский народ.

В 1968 году наше правительство вынуждено было принять очень трудное решение: ввести вместе с своими союзниками в Чехословакию войска, чтобы устранить угрозу социалистическим завоеваниям, не допустить аннулирования результатов Второй мировой войны, завоеванных ценой жизни 20 миллионов наших соотечественников. Да, нашу Армию в то время не встретили аплодисментами. Но ведь даже между своими, близкими людьми случаются ссоры, и недостойно порядочных людей злорадствовать по этому поводу.

В таких труднейших условиях наши воины проявили огромную моральную силу. Вспоминаются факты, которые в то время освещались в нашей печати.

Советские солдаты стояли на посту, охраняя важный объект. А фашиствующие молодники дефилировали перед ними на мотоциклах, демонстрируя нарисованные на спинах фашистские свастики. Можно понять, насколько сильно было желание солдат достойно ответить провокаторам. Но приказ был строгий: на провокации не поддаваться, проявлять абсолютную выдержку.

Другой факт. Наш танк шел по горной дороге. Провокаторы намеренно создали на пути танка неожиданное препятствие из живых людей — детей! У экипажа было только два возможных исхода: задавить детей, или же свернуть в

сторону, свалиться в пропасть и погибнуть. Экипаж предпочел последнее.

В конечном итоге подавляющее большинство чехословацкого народа все поняло правильно, дружба народов выдержала трудные испытания.

Достаточно чтения лишь одной этой статьи Солженицына, чтобы убедиться в правильности действий наших официальных органов власти, лишивших его советского гражданства и выдворивших из СССР. Уверен: и в период перестройки наше правительство не должно извиняться перед Солженицыным и организовывать ему торжественную встречу. Наоборот, жизнь заставляет принимать дополнительные законодательные меры для защиты нашей перестройки от хулителей, демагогов и экстремистов. Свидетельство тому — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля.

Достоин глубокого сожаления и тот факт, что некоторые средства массовой информации, в частности, журнал «Век XX и мир», подсовывают читателям «учителей-проповедников» типа Солженицына, чтобы «исправлять наши заблуждения». Не надо! Советские люди, истинные патриоты своей Родины, сами разберутся в своих проблемах.

Всякая революция только тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. Эта ленинская мысль остается актуальной и сегодня. Перестройку надо защищать!

Алексей ШЕСТАКОВ,
доцент Новочеркасского
политехнического института
(Из газеты «Кадры индустрии»,
15 мая 1989 г.)

«Разглагольствования о перестройках»

У А. И. Солженицына целый абзац посвящен «преданному нами, обманутому нами чехословацкому народу». Все ли из читателей понимают, о чем здесь говорит писатель? Многие ли помнят, что следует подразумевать под газетной недомолвкой о «чехословацких событиях», и когда эти события случились?

За годы, минувшие с того черного дня — 21 августа 1968 года, и по сей день все публикации в советской прессе об обстоятельствах, приведших к вводу войск пяти стран Варшавского договора в ЧССР, отличает одно — стерильное отсутствие фактов. За давностью лет забыты даже имена действующих лиц чехословацкой драмы. Кто из нас помнит дела и должности таких людей, как Александр Дубчек, Йозеф Смирковский, Олдржих Черник, Зденек Млынарж...? Как только не характеризовали тогдашних лидеров КПЧ! Для одних — коммунары XX века, герои «социализма с человеческим лицом», для других — слабохарактерные идеалисты, открывшие дверь «контрреволюционным силам», либо попросту «правые оппортунисты»... Но знаем ли мы истинные дела и слова этих людей?

Естественна ли такая ситуация, когда у нас в стране появляются материалы и публикации о событиях 1968 года, когда политически реабилитируются советские граждане, выступавшие с протестами против ввода советских войск в ЧССР — некоторые из них сегодня являются народными депутатами СССР! — а мы до сих пор не знакомы с истинным обликом той «гидры контрреволюции», которую — нашим с вами именем, как после было и в Афганистане, — поразила армия чуть не в полмиллиона военнослужащих? Но если в Афганистане оп-

позиция была, по крайней мере, вооружена, то относительно чешских реформаторов, вооруженных пишущими машинками и авторучками, термин оппозиция вообще неприменим: к моменту вторжения они контролировали верховное руководство партии и государства; и этот контроль был достаточен, во всяком случае, для того, чтобы чехословацкая армия и народная милиция выполнила отданный ими приказ: не сопротивляться...

Советский учебник новейшей истории для 10 класса, впрочем, приводит один из центральных аргументов против «пражской весны»: «Организационно-политической платформой антинародных сил, направлявшихся империалистическими кругами Запада, стало заявление под названием «Две тысячи слов». В этом заявлении, опубликованном летом 1968 года, содержались открытые призывы к борьбе против конституционной власти и подстрекательство к забастовкам и беспорядкам».

Я думаю, нам представляется удобный случай проверить брежневскую аргументацию: это документ отнюдь не является тайной ни для кого, кроме нас с вами. Написанное писателем Людвигом Вацуликом и подписанное 70 людьми, фамилии которых известны были не только в ЧССР, но и за ее пределами, — интеллигентами, учеными, писателями, рабочими, крестьянами, одобренное на сотнях митингов на фабриках, в институтах, кооперативах, на партсобраниях, — это обращение у нас под рукой. Заглянув в него, можно познакомиться с истинным положением дел и решить для себя вопрос, были ли в Чехословакии антинародные силы, и в чем именно лице.

Для нас же с вами ознакомление с этим, надо признаться, не слыш-

ком радикальным, скорее — примитивным текстом (обращение А. И. Солженицына, напечатанное у вас, резче во всех отношениях) важно в ином, совершенно ясном смысле: прошлое не должно повториться! Не должно, однако то и дело повторяется. И зловещим *memento mori* для нас с вами, для сегодняшнего руководства КПСС звучат слова, опубликованные в «Правде» за три дня до момента, когда танки двинулись через границу:

«За всеми этими разглагольствованиями о «перестройках», «мучительной реорганизации...» отчетливо проявляется стремление империалистических сил повернуть Че-

хословакию на путь реставрации капитализма (в статье Т. Колесниченко от 18.08.68).

Очень не хотелось бы, чтобы наши «разглагольствования о перестройке» закончились так, как эти «Две тысячи слов» — последняя попытка найти разумный и честный компромисс реформизма и внутреннего мира в то трагедийное лето Чехословакии. Я прилагаю к письму эти криминальные фрагменты и прошу вас напечатать их вместе с письмом. Наше право оценить прошлое так или иначе — но с открытыми глазами.

Владимир ГРИВЕНКО,
аспирант,
г. Москва.

Две тысячи слов,

обращенные к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, деятелям искусств, ко всем гражданам

Жизни нашей нации вначале угрожала война. Затем пришли иные плохие времена с событиями, которые угрожали духовному здоровью и характеру нации. Большинство народа с надеждой встретило программу социализма. Однако руководство строительством социализма оказалось в руках неподходящих людей. Не беда, что у них не было достаточно государственного опыта, деловых знаний и философского образования, обладай они, по крайней мере, простой мудростью и чувством приличия и будь они способны выслушать мнения других людей и допустить со временем на свое место более способных людей.

Коммунистическая партия, пользовавшаяся после войны большим доверием народа, постепенно меняла это доверие на должности, пока не захватила их все, и у нее ничего другого уже не осталось. Мы должны заявить: коммунисты, подписавшие данное письмо, знают, что это так, и их разочарование результатами столь же велико, как и разочарование других. Ошибочная

линия руководства превращала партию из политической партии и идейного союза в государственную организацию, которая приобрела большую притягательную силу для жаждущих власти эгоистов, расчетливых трусов и людей с нечистой совестью. Приток в партию таких людей повлиял на ее характер и деятельность. Ее внутренняя организация была такой, что честные люди, которые могли бы преобразовать ее в партию, отвечающую требованиям современного мира, не могли приобрести влияние без позорных инцидентов. Многие коммунисты боролись против этой деградации, но они не смогли предотвратить того, что случилось.

Ситуация в компартии была примером и причиной схожей ситуации в государстве, так как партия слилась с государством. Она потеряла преимущество, которое дает отделение от исполнительной власти. Деятельность государства и хозяйственных организаций не подвергалась критике. Парламент разучился обсуждать проблемы, правительство — править, директор — руко-

водить. Выборы не имели значения, а законы потеряли вес. Мы не могли доверять своим представителям в любом комитете и, даже если мы и доверяли, мы не могли просить их сделать что-нибудь, так как они не могли ничего выполнить. Что было еще хуже, мы почти потеряли нашу веру друг в друга. Личная и коллективная честь деградировала. Честность не имела смысла, способности не оценивались. Поэтому большинство людей утратило интерес к общественным делам, заботилось только о себе и о деньгах. Более того, в этих неблагоприятных условиях никто не может полагаться даже на деньги. Отношения между людьми были испорчены, радость работы — потеряна. Подытоживая сказанное — страна достигла такого состояния, когда духовное здоровье и характер народа были поставлены под угрозу.

Мы все в ответе за настоящее состояние дел, и коммунисты среди нас в большей степени несут ответственность, чем другие. Основная ответственность, однако, лежит на тех, кто был составными частями или инструментами неконтролируемой власти. Это была власть прочной группы, распространяемая с помощью партийного аппарата повсюду от Праги до каждого района и общины. Аппарат решал, кто и что мог или не мог делать; он вместо кооператоров руководил кооперативами, вместо рабочих — заводами и вместо граждан — национальными комитетами. Ни одна организация по существу не принадлежала ее членам, даже коммунистическая организация.

В то время, как многие рабочие думали, что они правят, правление осуществлялось от их имени специально обученной группой служащих партийного и государственного аппарата. Они заняли на деле место свергнутого класса и сами стали новой властью.

Ради справедливости мы должны сказать, что некоторые из них давно поняли эту иронию истории. Мы можем выразить свою признатель-

ность им сейчас за то, что они заглаживают вину, возвращают право выработки решений рядовым членам и гражданам и ограничивают власть и число аппаратчиков. Они с нами против устаревших взглядов в среде членов партии. Но многие чиновники еще против перемен, и они все еще имеют вес! Они еще располагают инструментами власти, особенно в районах и общинах, где они могут использовать эти инструменты скрытно и безнаказанно.

С начала этого года мы участвуем в возрождении процесса демократизации. То, что он начался в рядах коммунистической партии, должно быть признано. Даже те из нечленов партии среди нас, кто до недавнего времени не ожидал ничего хорошего от происходящего, признают этот факт. Мы должны отметить, однако, что данный процесс не мог начаться где-нибудь еще.

Поэтому не будем переоценивать важность критики, исходящей из рядов писателей и студентов. Источником общественных перемен является экономик. Правое слово имеет значение, только если оно говорится в условиях, которые уже надлежащим образом созрели. Под надлежащим образом созревшими условиями в нашей экономике мы, к несчастью, должны подразумевать нашу общую нищету и полный распад старой системы правления, в которой политики определенного типа спокойно и мирно достигали друг с другом компромисса за наш счет. Таким образом, правда не победила, просто одна лишь правда остается, когда все остальное вылетает в трубу. Нет повода для национального празднования победы, есть лишь повод для новой надежды.

Мы обращаемся к вам в этот момент надежды, которая, однако, остается под угрозой. Несколько месяцев прошло, прежде чем многие из нас поверили, что мы можем говорить, и многие еще не верят этому. Тем не менее мы высказались, и мы должны выполнить на-

шу цель — гуманизировать этот режим. В противном случае реванш старых сил будет жестоком. Мы обращаемся главным образом к тем, кто до сих пор лишь выжидает. Время, которое впереди, окажет решающее воздействие на многие годы.

В предстоящие дни мы должны будем проявить нашу собственную инициативу и решимость. Прежде всего, мы будем возражать против той точки зрения, если она появится, будто бы возможно какое-то демократическое возрождение без коммунистов или, может быть, против них. Это было бы и несправедливо, и неразумно. Коммунисты имеют хорошие организационные структуры, и мы должны поддерживать прогрессивное крыло среди них. У них есть опытные работники и, последнее по порядку, но не по значению, они имеют в своих руках решающие рычаги и кнопки. Их программа действий была изложена народу. Это — программа начального исправления величайших несоответствий, и никто еще не имеет какой-либо подобной конкретной программы. Мы должны требовать, чтобы местные программы действий были представлены народу — в каждом районе и в каждой общине. Делая это, мы получим немедленно принятые очень обычные и давно ожидаемые правильные шаги. Чехословацкая коммунистическая партия готовится к съезду, который изберет новый Центральный Комитет. Давайте потребуем, чтобы он был лучше нынешнего ЦК. Если компартия теперь говорит, что в будущем она хочет основывать свою ведущую роль на доверии граждан, а не на силе, давайте поверим этому, если мы можем верить людям, которых она сейчас посылает делегатами на районные и региональные конференции.

Недавно были выражены опасения, что процесс демократизации остановился. Это чувство — частичное проявление утомления, вызванного беспокойными временами, а

частично обязано тому факту, что период поразительных разоблачений, отставка с руководящих постов и пьянящих речей беспрецедентной словесной смелости — в прошлом. Однако борьба сил просто стала менее заметной в какой-то мере. Борьба теперь ведется за содержание и претворение законов.

Действенность будущей демократии зависит от того, что произойдет с предприятиями и на предприятиях. После всего того, что сказано и сделано, наши судьбы — в руках экономистов. Хороших хозяйственников надо отыскивать и выдвигать. Верно, что в сравнении с высокоразвитыми странами мы все плохо оплачиваемся, причем некоторые еще хуже, чем остальные.

Мы можем требовать больше денег, но, хотя они могут быть отпечатаны, их ценность понизится. Давайте лучше требовать, чтобы директора и председатели объявляли нам природу и размер затрат, которые они хотят осуществить для производства, кому они хотят продать свои товары и по какой цене, прибыль, которую они ожидают, процент прибыли, который нужно вложить в обновление производства, и процент, который можно распределить.

Если в настоящее время мы не можем ожидать большего от действующих центральных политических органов, мы должны достичь большего в районах и общинах. Давайте требовать ухода людей, которые злоупотребляли властью, которые нанесли ущерб общественной собственности, или которые вели себя бесчестно или жестоко. Мы должны найти пути средства вынудить их уйти, например, через публичную критику, резолюции, демонстрации, сбор средств для поддержки их при уходе на пенсию, забастовки и бойкот. Однако мы должны избегать методов, которые незаконны, непристойны или жестоки, так как они могут использовать это для влияния на Александра Дубчека.

Мы должны поэтому открыто осудить посылку оскорбительных

писем, чтобы любое письмо такого рода, которое они могут еще получить, считалось бы письмом, которое они сами послали себе. Давайте возродим деятельность Национального фронта, давайте требовать открытых заседаний национальных комитетов. Для работы с вопросами, которыми никто не хочет заниматься, давайте организовывать специальные комитеты и комиссии граждан. Это просто: несколько человек собираются, они избирают председателя, проводят регулярные короткие встречи, публикуют сообщения о своей работе, требуют решения вопросов и не позволяют себя запугивать.

Давайте превратим районную и местную прессу, которая выродилась в рупор официальных новостей, в трибуну всех позитивных политических сил. Давайте требовать учреждения редакционных советов, состоящих из представителей Национального фронта, или давайте откроем новые газеты. Давайте учреждать комитеты по защите свободы слова. Давайте организуем наши собственные службы по поддержанию порядка на митингах. Если мы услышим странные новости, давайте проверим их, давайте пошлем делегации к занимающимся данными вопросами людям и сделаем их ответы достоянием гласности, если возникнет необходимость. Давайте поддерживать правоохранительные органы, если они действительно пресекают уголовную деятельность. Мы не хотим вызывать анархию и создавать состояние общей небезопасности. Давайте избегать споров между соседями. Давайте откажемся от злобности в политических делах. Давайте выявлять информаторов.

В последнее время появилось большое беспокойство, связанное с возможностью того, что иностранные силы могут вмешаться в наши внутренние дела.

Имея дело с этими более могущественными силами, единственное, что мы можем делать — это скромно сохранять свое достоинство. Мы можем заверить наше правительство в том, что мы поддержим его — если нужно, с оружием в руках — пока оно делает то, на что мы дали ему наш мандат, и мы можем заверить наших союзников в том, что мы сохраним наш союз, дружбу и торговые соглашения. Упреки и необоснованные подозрения должны неизбежно сделать позицию нашего правительства более трудной, а это не то, что нам нужно. В любом случае мы можем обеспечить равные отношения только путем улучшения наших внутренних условий и доведения процесса возрождения до такой стадии, что однажды на выборах мы выберем государственных деятелей, у которых будет достаточно мужества, чести и политической мудрости для установления и поддержания таких отношений. Это, между прочим, — проблема правительству всех малых стран мира.

Эта весна, как время после войны, — великий шанс, который дан нам. Снова мы имеем возможность взять в наши собственные руки общее дело, которое для практических целей мы будем называть социализмом, и дать ему форму, которая будет лучше соответствовать нашей некогда хорошей репутации и относительно хорошему мнению, которое мы когда-то имели о себе. Весна уже кончилась и никогда не вернется. К зиме мы будем знать все.

ОПОЗДАВШИЕ

Георгий ФЕДотов

Пятьдесят лет назад началась последняя, самая жестокая из войн в Европе. Публикуемая статья русского эмигранта, православного философа Георгия Федотова написана в первые месяцы войны, в дни бесчестного сговора Гитлера со Сталиным — лютого врага Интернационала с его коварным вождем. Тема статьи — будущее России в послевоенном мире, основанном на балансе национальных и интегральных ценностей, остро актуальна ввиду дискутируемой реконструкции федеративного устройства СССР.

Многими отмечалась общность судьбы двух фашистских стран — Германии и Италии. Обе они позже других народов, лишь в конце XIX столетия, осуществили свое государственное единство инстинктивно, или выковали его уже на исходе средних веков, когда слагались новые нации Европы. Для опоздавших потребовались огромные усилия нескольких поколений, целый век революционной борьбы или ряд жестоких войн. Мысль ученых, творчество художников работали долго и упорно над проблемой национального единства, и когда она была наконец решена, не могли остановиться вовремя. Вся живая сила интеллигенции была брошена в одном прямом направлении: от нации к империи, от империи к мировому господству... В жертву этой химере принесено все: свобода, мир, совесть, остатки христианства — наконец, сама национальная культура и все силы народа. Фашизм, с этой точки зрения, является естественным пределом этого рокового движения (отвлекаясь от всех других, военных и социальных, его причин).

В России тоталитарный строй вырос не на идее нации. Как раз наоборот, он питался ненавистью к Российскому государству и его национальным традициям. Однако теперь, когда сталинская империя идеологически и политически все более сближается со странами воинствующего национализма, есть над чем призадуматься. Острота русского национального чувства в границах СССР и да-

же за его границами имеет свои аналогии лишь в тоталитарных империях. В нем живет и эрос страсти, и похоть вождения, гордость своей мощью и боль унижения — весь тот болезненный комплекс, который на наших глазах привел Германию к явному безумию. Русский молодой национализм не принял еще клинических форм, но уже несет с собой огромные национальные опасности. И прежде всего, он требует объяснения.

Откуда этот запоздалый взрыв национальных страстей? Россия создавалась не со вчерашнего дня. Уже в XV веке она завершила свое национальное объединение, которому с тех пор никогда ничего не угрожало. Русское национальное чувство, подобно патриотизму старых европейских народов, было лишено горячечных симптомов. Уверенность в себе позволяла быть великодушным. Что же случилось? Случилось то, что Россия, существовавшая тысячелетиями, была на наших глазах заново открыта своей интеллигенцией и своим народом.

Трагический путь русской истории, сперва обративший в рабство народную массу, а потом поссоривший интеллигенцию с государством, привел к изоляции государства в последний век империи. Это и было, конечно, причиной ее катастрофы. В разгроме России интеллигенция снова ощутила свою кровную связь с нею. Боль за Россию, унижение за нее, гордость воспоминаний и надежд стали содержанием жизни всей эмиграции. Народ обрел свою Россию несколь-

ко позже, в самом процессе революции, оставшись на своей земле без дворян и чиновников, которые прежде несли на себе государство, но и заслоняли его от народа. В отличие от горькой любви эмигрантов, народная любовь к России сейчас исчерпывается сознанием ее мощи. Возвращая по капле народу национальную культуру, власть «обезвреживает» ее, очищая от всех слишком тонких и благородных элементов: от христианского и гуманистического наследия. Национализм сталинской России, через головы трех поколений интеллигенции, прямо возвращается к официальной идеологии Николая I. Новые Кукольники, Загоскины, Погодины и Шевыревы воспитывают народную душу. Гоголю и Лермонтову здесь не место. Своего консервативного Пушкина хотелось бы иметь, но не родит поэта земля, недра которой истощены культурой пошлости.

Само по себе возрождение национального чувства в России, так долго его лишавшей, так долго обреченной жить отбросами международной цивилизации, могло бы быть положительным явлением. Но пошлость, безбожие и бездушие монополюстов государственной культуры отравили новое национальное чувство. В эмиграции оно с самого начала было отравлено сложным и уничительным комплексом *ressentiments*. В той и другой форме оно противно лучшим русским традициям, оно запоздало на столетие и опасно для мира и для самой России.

Конечно, национальное чувство не изжито в мире и, вероятно, не будет изжито никогда. Но ныне на нем одном уже не может быть построено государство, а тем более система государств, политическое общение народов.

Европа вступила в такую полосу войн и катастроф, из которой нет иного выхода, кроме отказа от национальных интересов как верховного критерия политической жизни. Национальные интересы противоречивы, безмерны и неутолимы. Они возрастают странным образом, параллельно падению духовного содержания национальной культуры. Со стороны всего виднее, как падают и нищают духовно те страны, где национальная мощь провозглашена верховным божеством: Германия, Италия. Одно из двух: или Европе удастся создать орга-

низованное сверхнациональное общество, или она не сможет жить. С этой точки зрения завтрашнего послевоенного дня, современный хаос великих и малых национальностей напоминает феодальную анархию конца средневековья в период создания национальных государств. Только теперь само национальное государство стало пережитком партикуляризма, своего рода удельным княжеством, отчаянно сопротивляющимся новому рождающемуся политическому строю: не безвольной Лиге Наций, а Союзу Народов, властно обуздывающему национальное хищничество, и подчиняющему его общему порядку и общему благу.

С тех пор, как началась война, вожди великих демократий не перестают упрекать на конечную ее цель: сделать невозможным повторение войны путем новой организации Европы. Но это и означает конец национальных суверенитетов, конец самодовлеющего беспринципного национального государства.

Те, кто не смогут добровольно ограничить свой суверенитет, будут к тому вынуждены. Из творцов нового мира они будут низведены на роль объектов, если не жертв истории. Самое большое, на что они могут надеяться — это оказаться настолько сильными, чтобы взорвать новый мир и погубить всех и себя самих под его развалинами.

Вот что грозит всем народам, великим и малым, которые, вместо этизации и воспитания своего национального чувства, переживают его эротический угар.

Особенно опасен этот угар для государства-империи.

Мы все хорошо, даже слишком хорошо, усвоили один урок международного (1918—1939) периода: трудность и даже невозможность самостоятельного существования малых государств. Принцип абсолютного национального самоопределения не оправдал себя. Но мы стали забывать о том, что доказала еще раньше великая война: невозможность существования насильственных империй. Не случайно Австрия и Турция исчезли как империи. Не случайно Россия получила такой тяжкий удар. Она потеряла свои западные окраины, сепаратизм многих ее народов вспыхнул с неожиданной си-

лой. Это было и остается серьезным предупреждением. Ныне империи возможны лишь как союзы свободных народов. Быстро меняющееся лицо Англии служит тому другим, положительным доказательством. Как быстро спешит она обновиться и перестроиться из владычествующей колониальной державы в федерацию народов и стран! На наших глазах она отпустила на волю Ирландию, Египет, Ирак, Аравию, готовит освобождение Индии. Самоубийство, распад — злорадствуют в Германии и кое-где среди нас. Но давно Англия не была столь крепкой как с тех пор, когда она начала раскрепощение своих народов. Только этот оправдавший себя внутренний опыт дает ей нравственное право и по-

литическую уверенность переносить его на мировую арену и призывать народы Европы и Америки к борьбе за создание всемирной федерации.

Усвоит ли этот урок Россия в переустройстве своего собственного дома? От этого зависит самое ее существование. С двух сторон — не надо забывать это — создается угроза Российской империи или федерации ее народов: со стороны воспаленных национализмом малых народов и со стороны слепого национализма великороссов. Не на традиции Николая I можно построить новый Российский Союз. С этими традициями можно лишь разрушить то, что от него еще осталось.

ПОЧТА

«Господину Сталину...»

1 сентября 1989 года исполняется 50 лет со дня начала Второй мировой войны. Трагическая дата. Ее трагичность еще более подчеркивается тем, что предыстория войны полностью не исследована. Особенно много споров вокруг советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 года и секретного протокола к нему (факт существования которого оспаривается).

Известно, что 20 августа Гитлер направил телеграмму Сталину. Глава нацистского государства предлагал руководителю ВКП(б) принять министра иностранных дел И. фон Риббентропа в Москве для заключения пакта о ненападении. Именно только этот отрывок из телеграммы цитируют историки. На самом деле, текст ее гораздо длиннее. Однако она не опубликована до сих пор. Это лишает историков возможности анализа данного документа. Текст телеграммы гласит:

«Господину Сталину, Москва.

1. Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первую

ступень перестройки германо-советских отношений.

2. Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий. В этой ситуации Имперское правительство решило действовать в полном соответствии с такими далеко идущими изменениями.

3. Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне Ваш Министр иностранных дел господин Молотов, и считаю крайне необходимым как можно более скоро выяснение связанных с этим вопросов.

4. Я убежден, что дополнительный протокол, желаемый советским правительством, может быть выработан в возможно короткое время, если ответственный государственный деятель Германии сможет лично прибыть в Москву для переговоров. В противном случае Имперское правительство не представляет, как дополнительный протокол

может быть выработан и согласован в короткое время.

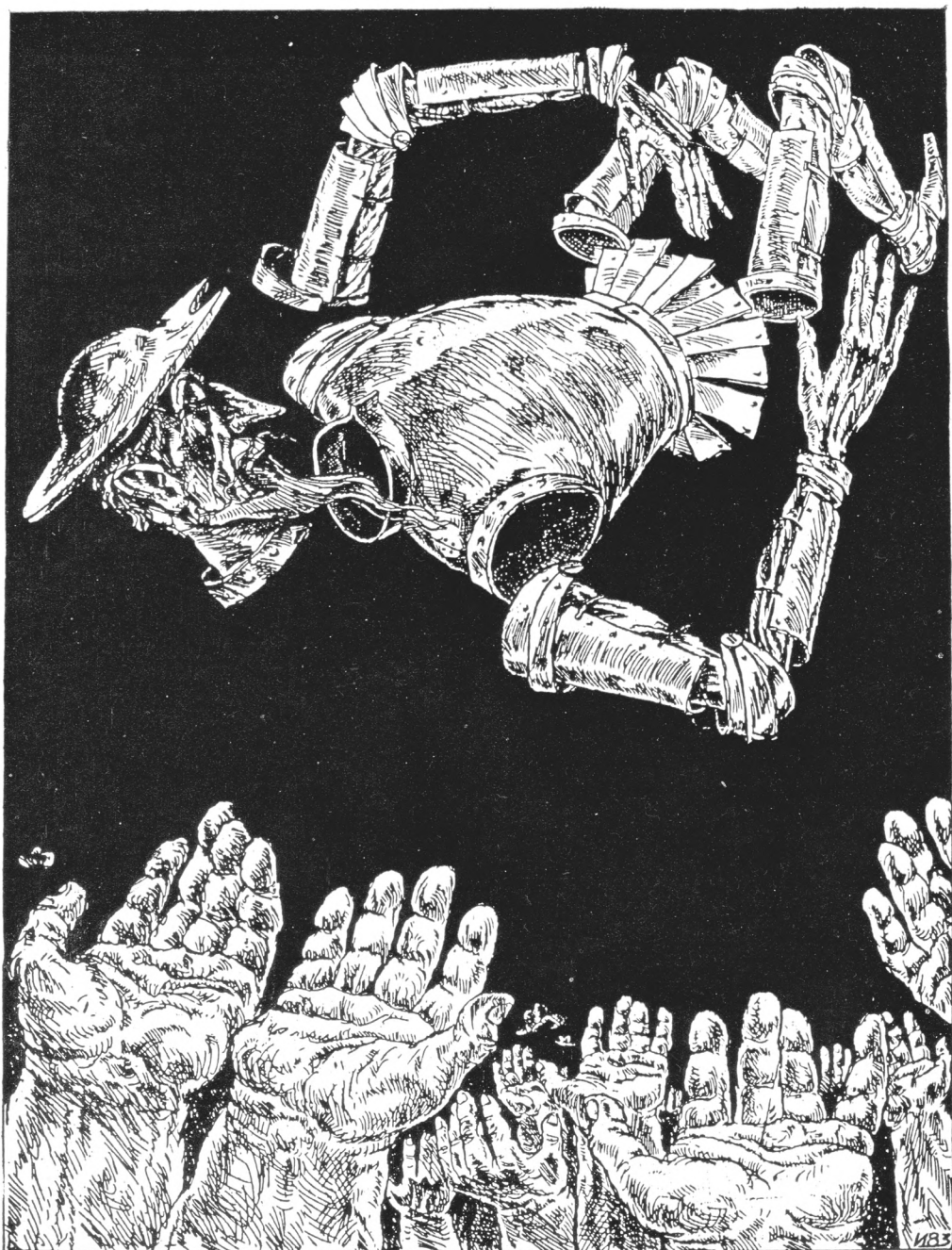
5. Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великим державам таково, что кризис может разразиться в любой день. Перед лицом такой вероятности Германия в любом случае намерена защищать интересы государства всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

6. По моему мнению, желательно, ввиду намерений обеих стран, не теряя времени вступить в новую фазу отношений друг с другом. Поэтому я еще раз предлагаю принять моего Министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее в среду, 23 августа. Имперский Министр иностранных дел

имеет полные полномочия на составление и подписание как пакта о ненападении, так и протокола. Принимая во внимание международную ситуацию, Имперский Министр иностранных дел не сможет остаться в Москве более чем на один-два дня. Я буду рад получить Ваш скорый ответ. Адольф Гитлер».

Если возможно, опубликуйте, пожалуйста, текст этой телеграммы. Это поможет основной массе советских историков-международников глубже проанализировать процессы, происходившие в центре Европы в конце 30-х годов.

Сергей ТОЛЕРЁНОК,
сотрудник Института
истории АН БССР,
г. Минск.

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■

■ XX CENTURY AND PEACE ■

■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

